

Владимир Александрович Плунгян,
российский лингвист, специалист в области типологии, и грамматической теории, морфологии, корпусной лингвистики, африканистики, поэтики, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, сотрудник Института языкознания РАН и Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Лауреат премии в области научно-популярной литературы «Просветитель»

Лексика – это, если отвлечься от терминологических тонкостей, наши обыденные слова, которыми мы друг с другом обмениваемся и которыми мы называем вещи и явления окружающего нас мира.

Непосвященный человек может подумать, что в разных языках мира слова более или менее одинаковые. Но действительно ли они одни и те же? Мы, конечно, готовы принять мысль, что в каких-то языках будут какие-то особые слова. Но на самом деле действительная разница между лексикой языков мира во много раз превосходит эти наши ожидания.

1.

Языки мира в наибольшей степени отличаются именно лексикой, причем отличаются иногда поразительно. Этот факт давно заметили исследователи и даже пытались делать на основании этого какие-то философские выводы. Самые простые примеры – это названия «вещей», т.е. в широком смысле материальных фрагментов окружающего нас мира. Допустим, части тела у человека. Люди ведь все одинаково устроены: у них две руки, две ноги, один нос, и т.п. Казалось бы, названия частей тела во всех языках должны быть легко сопоставимы и взаимопереводимы, ведь «объективная» реальность здесь одна и та же и при этом как будто бы предельно простая. Но не тут-то было. Так, уже со словом «рука» начинаются проблемы.

В русском языке мы называем словом «рука» всю конечность целиком. Очень многие языки, в том числе и западноевропейские, используют здесь два разных слова. В английском это – hand и arm. Одно из этих слов означает часть руки ниже кисти, другое – выше. А в русском нет специальных названий для этих частей, есть название только для целого.

Похожая разница есть во многих языках мира. Лингвисты долго думали, откуда же она взялась. И даже высказывалась такая остроумная гипотеза, что слово для руки целиком существует у тех народов, которые живут в основном в жарких странах и не носят одежды. Поэтому рука у них целиком и видна. А люди, которые носят одежду, у них видна только часть до кисти – поэтому эта часть оказывается выделенной и получает особое название. Так что два разных слова для обозначения руки должны появляться прежде всего у тех народов, которые живут в северных широтах. Примерно так же устроены и названия ноги – могут быть два разных слова для ступни и для верхней части ноги. Но это красивая гипотеза согласуется не со всеми фактами. Те же славянские языки, например, предпочитают единое обозначение и для руки, и для ноги. А между тем славяне живут и жили в умеренных широтах и пользуются одеждой. И наоборот, можем найти в тропиках такие языки, в которых есть два отдельных названия для конечностей человека.

2.

Чем сложнее область лексики, которую мы анализируем, тем больше появляется разных межъязыковых несовпадений.

Рассмотрим, например, названия периодов суток. Привычно обозначать эти периоды в такой последовательности: утро, день, вечер, ночь. Казалось бы, четыре очень ясных фрагмента, с понятными границами. Но как только разные языки ни делят этот период времени! Конечно, время восхода и захода солнца, как правило, имеет обозначение, это такие центральные точки, а всё остальное между ними может называться очень разными способами. Ещё один

хрестоматийный пример, о котором очень много писали лингвисты, – это названия цветов. Привычные нам семь цветов радуги, которые имеют базовые обозначения, являются производными прилагательными. Но далеко не во всех языках их выделяют именно семь. Есть языки, где очень бедный набор основных цветов – всего два или три. Есть языки, где их больше семи. Названия цветов эволюционируют. Существенно, что это не обязательно основано на цвете как таковом. Например, в системе цветообозначений могут различаться темные и светлые (или насыщенные и ненасыщенные) цвета. Здесь разницей тоже очень большой. Но эта область как раз довольно хорошо изучена, о названиях цветов написано множество книг и море статей...

3.

Обозначения степеней родства («имена родства») тоже в сильной степени зависят от системы устройства общества. Например, брат и сестра – сверхпривычные нам слова. Казалось бы, ну как иначе можно назвать ребенка тех же родителей? Но и здесь тоже есть колоссальное разнообразие. Оказывается, можно выбирать между старшим и младшим: в языке может не быть слова «брат», а только «старший брат» или «младший брат». Более того, можно при этом не различать пол ребенка. Так что встречаются языки, где нужно говорить не «сестра» или «брат», а «старший / младший ребенок тех же родителей»; но есть и еще более сложные системы.

На самом деле, мир ведь бесконечно разнообразен. И каждый язык – это довольно грубый снимок этого мира. В языке мы не можем отразить все. Лексика каждого языка что-то выбирает. И выбор, который делают разные языки, в этом смысле очень разный, потому что каждый язык – это очень схематичный слепок реальности. Он должен быть схематичным, чтобы мы друг с другом общались, могли понимать друг друга, могли оперировать относительно небольшим набором слов. Но для этого мы должны перейти от мира как он есть к его упрощенной схеме.

4.

Если такие различия имеются в относительно просто устроенных фрагментах действительности, то легко понять, насколько они оказываются сложнее и тоньше в случае абстрактной лексики: человеческих чувств, социальных отношениях, таких вещах, как ум, храбрость, воля, дружба и все прочее. Тут культурные и языковые различия огромны. И часто даже трудно сразу наладить взаимопонимание между носителями двух таких культур, если они пользуются разными словами.

5.

Известный пример таких различий в лексике – это глагол «любить». В принципе, понятие любви свойственно, наверное, всем человеческим культурам. Но вопрос в том, как оно выражается. Есть языки, где специального слова «любить» нет, используется тот же глагол, что и для обозначения смысла «хотеть». Есть языки, где нет даже и этого глагола, где выражение желания совпадает с чем-то еще. Но это уже совсем экзотика. А вот «любить» и «хотеть» в виде одного и того же слова – это очень распространенное явление. Из европейских языков, например, таков испанский. Глагол «querer» по-испански означает и хотеть, и любить одновременно, но по контексту различается. Но есть и обратные примеры, когда вместо одного глагола «любить» мы имеем несколько – два, три или даже больше разных «видов» любви. Для человеческой культуры и истории существенно, что одним из таких языков был древнегреческий. Специалисты говорят, что в древнегреческом языке есть, как минимум, четыре вида любви. Это эрос, филия, агапэ и сторгэ. Слово «эрос» нам знакомо – это чувственная любовь. Но еще различались любовь-дружба, возвышенная любовь и др. – и всё это были слова обыденного греческого языка.

Этот факт очень существенный, потому что он повлиял и на греческую философию, и на христианскую этику. В христианстве о любви говорится очень много на греческом языке, поскольку основные христианские тексты были греческими. Здесь есть очень интересное взаимодействие между устройством этой понятийной области в греческом и той философской системой, которая развивалась в пространстве греческого языка.

6.

Нет такой области лексики, где бы существительные, прилагательные и глаголы разных языков, даже самые простые, полностью бы совпадали по значению, будь то слова типа твердый / мягкий или типа идти / бежать, или что-то еще.

Но и сами существительные, прилагательные и глаголы также не являются универсальной вещью. Есть языки, где этих различий мы тоже не видим или практически не видим. Во многих языках, например, слова «обувь» и «ходить» – это одно и то же слово, которое в зависимости от контекста оказывается или существительным, или глаголом.

В языках может не быть прилагательных или предлогов. Вместо этого могут быть какие-то экзотические части речи. В языках могут быть удивительные слова, которые выражают такие комбинации и понятия, которые нам трудно себе даже представить. Так, например, в одном из северных наших языков есть специальный глагол, который означает «лежать и смотреть, как другие работают». В русском языке есть замечательный глагол «прохлаждаться», который обозначает похожую вещь, но не в точности такую же. И что самое важное, все это мы находим не только в крупных развитых языках современной Европы, но сколь угодно затерянный язык Новой Гвинеи или Амазонки содержит точно такой же набор колоссально сложных слов и понятий, которые не совпадают с нашими.

7.

Как к этому разнообразию относиться, что с этим делать, как его осмыслить? Лингвисты здесь часто впадали в крайности. Заметив факт необычайного разнообразия лексики, очень многие лингвисты делали вывод, что раз у нас разные слова, то это значит, что язык детерминирует модели нашего мышления: кто по-разному говорит, те по-разному и думают. Собственно, знаменитая гипотеза Сепира – Уорфа примерно это и утверждала. Однако Сепир и Уорф были далеко не первыми, кто говорил так: раньше те же идеи встречаются у Гумбольдта, у многих других.

Сейчас современные лингвисты стали куда осторожней, потому что, несмотря на все различия лексики в языках мира, в целом люди могут понять друг друга. Существует такая вещь, как перевод. Пусть несовершенный и неполный, но все-таки на уровне мышления люди ближе друг к другу, чем можно думать. А на уровне языка гораздо дальше, чем нам может показаться. Здесь есть зазор, над осмыслением которого современной науке еще нужно работать.